

Феномен революционной политизации и коммуникативная рациональность государства

The Phenomenon of Revolutionary Politicization and the State Communicative Rationality

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-4-87-93

УДК 323.27

Получено: 01.11.2021

Одобрено: 18.11.2021

Опубликовано: 25.12.2021

Зиновьев А.О.

Канд. полит. наук, доцент Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I.
e-mail: zinovev@pgups.ru

Zinoviev A.O.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State Transport University
e-mail: zinovev@pgups.ru

Аннотация

Целью данной работы является теоретический анализ исторической ситуации политизации социальных проблем в современной России посредством обращения к достижениям современной исторической социологии революций и междисциплинарного синтеза в изучении социальных движений. Обращение к достижениям исторической социологии революций и социальных движений позволяет понимать политизацию социальных проблем в современной России в рамках более широкого теоретического контекста. Позволяет понимать политизацию в современной России в рамках контекста кризисов государств и как революционную политизацию (которая является следствием феномена «революционного невроза»). Позволяет теоретически исследовать политизацию социальных проблем в современной России как коммуникативный (идеологический) кризис в отношениях между государством и обществом. Данный теоретический анализ опирается на качественную методологию современного социального исследования в изучении политических и социальных явлений. Обобщенным методом данной работы является сравнительная социальная герменевтика исторических явлений революций и государств на основе политической теории Ю. Хабермаса. В работе политизация социально значимых тем понимается как постоянный диалог государства и общества. Коммуникативная рациональность государства направлена на понимание в диалоге. В современной России переход от СССР к РФ разрушил советскую идеологическую парадигму, и идет создание новой идеологической парадигмы, что влияет на сложность диалога государства и общества. Делается вывод, что феномен революционной политизации в современной России (ненормальность диалога государства и общества) является следствием дефицита коммуникативной рациональности государства.

Ключевые слова: коммуникативная рациональность, идеологическая парадигма, диалог, лидерство, революционные идеологии, государство, революционные процессы.

Abstract

This work aims a theoretical analysis of the historical situation of social problems politicization in modern Russia, by referring to achievements of modern historical sociology of revolutions and interdisciplinary synthesis in the study of social movements. Turning to the achievements of the historical sociology of revolutions and social movements allows us to understand the politicization of social problems in modern Russia within a broader theoretical context. As well it allows us to understand politicization in modern Russia within the context of state crises as revolutionary politicization (which is a consequence of “revolutionary neurosis” phenomenon). Besides this turning helps theoretically explore the politicization of social problems in modern Russia as a communicative (ideological) crisis in relations between the state and society. This theoretical analysis bases on the qualitative methodology of modern social research in the study of political and social phenomena. The generalized method of this work is the comparative social hermeneutics of historical phenomena of revolutions and states, based on the political theory of J. Habermas. Author considers the politicization of socially significant topics as a constant dialogue between state and society. The communicative rationality of the state aims at understanding in dialogue. Transition from the USSR to the Russian Federation destroyed the Soviet ideological paradigm and a new ideological paradigm is being created, which affects the complexity of the dialogue between state and society. The author concludes that the phenomenon of revolutionary politicization in modern Russia (the abnormality of the dialogue between the state and society) is a consequence of the lack of communicative rationality at the state.

Keywords: communicative rationality, ideological paradigm, dialogue, leadership, revolutionary ideologies, state, revolutionary process.

Введение

Процессы политизации социально значимых тем в СМИ и в общественном мнении, которые дополнительно усиливаются влиянием социальных сетей на формирование общественного мнения, носят нормальный характер для любых современных государств. И могут пониматься как необходимый, постоянный диалог государства и общества. Значимость любой темы для процессов управления государством является основой для возможности ее политизации, хотя реальная политизация связана с особенностями диалога государства и общества. Со стороны общества в указанном диалоге появляются требования решать важные социальные проблемы (важные для населения государства) под угрозой утраты легитимности политического режима, гражданского неповиновения и революции (как крайней формы воздействия общества на государство).

Политизация социально значимых проблем в современном российском обществе позволяет говорить о явных сложностях в диалоге государства и общества, очевиден крайне низкий уровень доверия в данном диалоге. Можно утверждать, что государство в современной России испытывает большие сложности с легитимностью своего существования и принимаемых государственных решений. В современной России можно наблюдать очевидные сложности в управлении «повесткой дня» со стороны государства. Данная ситуация позволяет говорить о революционной политизации, которая может быть следствием революционного создания РФ в ходе распада СССР, а может быть началом новых революционных процессов. Целью данной работы является теоретический анализ политизации социально значимых проблем в современном российском обществе как «революционной политизации», что позволяет использовать для понимания исторической ситуации в современной России достижения исторической социологии государств и революций, а также использовать теоретическое понимание государства как диалектики стратегической рациональности и коммуникативной рациональности с опорой на политическую теорию Ю. Хабермаса.

Очевидную потребность в легитимности государственных решений, которую описал Макс Вебер, можно переосмыслить посредством идей Ю. Хабермаса о коммуникативном действии и коммуникативной рациональности, которые наиболее полно были изложены в его книге «Теория коммуникативного действия» [8]. Используя некоторые наработки известного специалиста по философии науки К. Поппера, в своей работе Хабермас различает три мира значимости: объективный мир, социальный мир и субъективный мир. Теологическое действие в смысле Аристотеля ориентировано только на объективный мир, а Макс Вебер в своем понимании «целерационального действия» помещает такой тип действия в социальный мир. В свою очередь, Хабермас предлагает использовать понятие «стратегического действия» для понимания ориентации на объективный мир в социальном мире и в субъективном мире. Иначе говоря, Вебер понимал «рациональность» только как стратегическую рациональность. Но, как писал Хабермас, «понимание» социального действия требует «коммуникативного действия», т.е. учета истины (объективный мир), нормы (социальный мир) и субъективной правдивости (субъективный мир). В целом, коммуникативная рациональность ориентирована на социальный мир и неявно присутствует в типологии социального действия у Макса Вебера, а Хабермас в своей типологии социального действия ее выявляет на базе различения трех миров. Если понимать войну как проявление стратегической рациональности, а стремление к справедливости в деятельности государства как проявление коммуникативной рациональности, то государство можно понимать как диалектику данных двух типов рациональности, как диалектику «войны» и «справедливости».

Реальность диалога государства и общества видна в эпоху революций, когда данный диалог на время фактически прекращается и сменяется гражданской войной. В ситуации нормального повседневного функционирования государства чиновники и жители создают общее понимание ситуации, которое можно понимать, как идеологическую парадигму «старого порядка» (поскольку она становится видна в момент своего разрушения в ходе революции). Идеологическую парадигму «старого порядка» следует понимать, как «парадигму» в смысле Томаса Куна, т.е. как согласие чиновников и граждан в ходе диалога государства и общества, как определенный «идеологический» набор условий для диалога государства и общества. Идеологическая парадигма «старого порядка» позволяет государству управлять процессами политизации социально значимых тем в СМИ, т.е. управлять «повесткой дня» в диалоге государства и общества. В революционной ситуации происходит процесс распада государства, который сопровождается распадом идеологической парадигмы «старого порядка», т.е. способностью государства управлять политизацией социально значимых проблем. С другой стороны, у населения наблюдаются признаки преобладающих психических состояний, которые можно назвать феноменом «революционного невроза».

Обзор научной литературы и проблема методологии

Теоретический анализ политизации социально значимых проблем в современном российском обществе опирается на политическую теорию Ю. Хабермаса, изложенную в его многочисленных работах (три наиболее важные для нашей темы: [7, 8, 9]). Кроме того, для теоретического анализа феномена «революционной политизации» используются работы по исторической социологии государств и революций, среди которых упор сделан на работы учеников Т. Скочпол (Д. Голдстоуна и Дж. Гудвина). В другой своей работе [2] я более подробно обосновывал теоретические причины данного выбора. Более полный обзор литературы по исследованиям революций представлен в работе Дж. Гудвина (для авторитетного обзора достижений современной политической социологии [6]). Название феномену «революционного невроза» дала книга французских авторов О. Кабанеса и Л. Насса [3], а современная проработка данной темы ведется в рамках междисциплинарных исследований социальных движений [10].

Со времен О. Конта специалистов в области наук об обществе манит мираж «социальной физики». Появление данного миража в науках об обществе связано с критикой физики Аристотеля в процессе формирования современной физики. По аналогии, у специалистов в области наук об обществе появились основания критически оценивать и «Политику» Аристотеля (в том числе, в виде замены ее на мираж «социальной физики»). Но для наук об обществе ценность здравого смысла существенно выше по сравнению с физикой, поскольку люди всегда примерно разбираются в социальной жизни, и социальная жизнь ближе к повседневным знаниям обычного человека. Для наук об обществе достижения Аристотеля остаются важными знаниями об обществе, в отличие от ситуации в естественных науках. В рамках социологии, мираж «социальной физики» был поставлен под сомнение в работах М. Вебера и за счет влияния на социологию идей К. Маркса. В работах М. Вебера было обосновано ключевое значение проблематики «понимания» для наук об обществе. Хотя мираж «социальной физики» остается влиятельным в современной экономической науке, но даже там нарастает критика методологической ориентации на естественные науки в науках об обществе. Дополнительным аргументом против миража «социальной физики» может выступать современная история и философия науки, в рамках которой сложилось понимание о зависимости истории науки от истории общества. Современная естественная наука является порождением Западной цивилизации, поэтому «социальная физика» даже Западное общество описывает лишь частично, в сфере лишь тенденций рационализации, которые сделали «социальную физику» популярной в рамках Западной цивилизации.

В Германии середины 60-х годов XX в. имел место «спор о позитивизме» между марксистским философом Т. Адорно и философом науки К. Поппером, в котором активно принял участие Ю. Хабермас, как ученик Адорно. В результате данного спора, который точнее называть «спором о постпозитивизме», поскольку сам Поппер не считал себя «позитивистом», Хабермас принял многие положения теории Поппера, но не его критику Маркса. Принцип «фальсификации» Поппера (потенциальная ложность как неточность научных теорий) подходит для наук об обществе. Но в науках об обществе существуют не только «объективные факты», а еще сложные отношения между человеком и обществом в виде социальных ценностей и норм. Свои выводы из «спора о позитивизме» Хабермас изложил в работе «К логике социальных наук» [7]. В данной работе Хабермас показал ограниченность эмпирической социологии и необходимость социальной герменевтики в науках об обществе. В более поздней терминологии Хабермаса из «Теории коммуникативного действия» речь идет об изучении в современной «социальной физике» только реалий стратегической рациональности, а стратегическая рациональность сама зависима от «жизненного мира» и от коммуникативной рациональности.

Ученые как люди всегда являются частью своего общества, что в науках об обществе имеет большее значение по сравнению с естественными науками. Историчность политики и общества определяют важность социальной герменевтики для наук об обществе.

Метод сравнительной социальной герменевтики особенно важен для исторической социологии государств и революций. Уже в работе Т. Скочпол содержится критика «социальной физики» и понимание важности исторического контекста. Критика Скочпол со стороны историков и внимание ее учеников к проблемам места идеологии в революционных процессах закономерно привели к повышению значимости социальной герменевтики в исследованиях государств и революций. Работы в области исследований социальных движений, как правило, построены на использовании качественной методологии социального исследования, что можно толковать как ориентацию на методы социальной герменевтики.

**Результаты анализа:
феномен «революционного невроза» и государство
в революционных процессах**

Описание феномена «революционного невроза» было предложено в 1905 г. французскими авторами О. Кабанесом и Л. Нассом в книге «Революционный невроз» [3], написанной по материалам Великой Французской революции. В дальнейшем многие авторы обращали внимание на особое психическое состояние людей в революциях, на легкость перехода к террору против своих политических противников со стороны различных революционных лидеров в разные революционные эпохи. Снижение рациональности и повышение эмоциональности людей в эпоху революций часто отмечалось в работах историков и социологов, которые изучали отдельные революции. Примеры «революционного невроза», сходные с описаниями Кабанеса и Насса, можно обнаружить в недавних описаниях «арабской весны» на современном Ближнем Востоке.

Можно предположить, что основной причиной феномена «революционного невроза» является разрушение фреймов повседневной жизни и неопределенность будущего политического устройства. Люди просто не знают, как вести себя в новых условиях. Между крахом идеологической парадигмы «старого порядка» и принятием новой революционной идеологической парадигмы население государства находится в состоянии нормативной неопределенности («аномии») и в состоянии реальной непредсказуемости социальной жизни, а также испытывает последствия ожесточенной политической борьбы («революционного террора») за новый политический порядок.

В современных теориях революций, которые опираются на идеи Т. Скочпол, изначально была установка на отказ от обсуждения психологического измерения революционных процессов. В своем структурном подходе к революциям Скочпол предлагала сосредоточить внимание на «объективных» процессах распада старого государства и на процессах создания нового государства революционными политическими лидерами [11]. Данная теоретическая позиция Скочпол вызвала критику со стороны представителей исторической науки, которая опиралась на важность для современной исторической науки исследований «истории культуры», в рамках которых авторы отмечали тотальность и культурную сложность социальных перемен в ходе революционных процессов.

Показательно скептическое отношение историка М. Малиа к теоретическим положениям Т. Скочпол [4]. Критика со стороны приверженцев «истории культуры» была учтена в работах таких учеников Скочпол, как Д. Голдстоун и Дж. Гудвин. Сохраняя в своих работах понимание ключевой роли государства в революциях, данные авторы стараются максимально учесть роль политических идеологий и массовой психологии в революционных процессах. В своих многочисленных работах о революциях и об исследованиях революций Голдстоун постепенно пришел к предложению синтезировать построение нового государства и «историю культуры» революций в анализе хода «революционного процесса», в котором соединяются усилия революционных лидеров построить новое государство и культурно-психологические аспекты идеологической борьбы [1].

В своем понимании революций Дж. Гудвин соединил ключевую роль государства с исследованиями социальных движений на примере революций второй половины XX в. [5]. Выделение важной роли социальных движений в современных революциях позволило Гудвину использовать хорошо проработанный междисциплинарный синтез в исследованиях социальных движений [10]. Хотя большинство исследователей социальных движений изучали их в условиях устойчивого государства в США, ряд особенностей социальных движений делают их интересными для изучения революций в современном мире. В многочисленных исследованиях социальных движений показана важность эмоций и культуры в формировании и деятельности социальных движений. Обозначены их попытки создать новую культуру в сфере их деятельности, что совпадает с исследованиями «истории культуры» революций в исторической науке. Социальные движения можно понимать, как преодоление феномена «революционного невроза» за счет активного участия в политической борьбе.

По мнению Гудвина, государства классических революций и современные страны с патримониальным правлением роднит низкая эффективность государственного управления, т.е. организационная слабость патримониальной бюрократии и удаление граждан из процессов управления государством. Такая специфика патримониального правления создает условия для проведения политической мобилизации на основе отторжения неэффективности недемократических режимов личной власти и коррупции. Иначе говоря, именно организационные особенности патримониальных режимов создают структурные условия («пространство возможностей») для успешного формирования революционных социальных движений. Диалектика «войны» и «справедливости» запускает революционные процессы в государствах «старого порядка». И в ходе революционных процессов идеи и идеологии приобретают ключевое значение для политической мобилизации, которая необходима для создания нового государства. Социальные движения выводят своих сторонников из состояния «революционного невроза» и создают новое государство на основе своих идей и идеологий.

Для революционных лидеров важно не только захватить власть и реализовать свои идеи, но и убедить основную массу населения принять новую идеологическую парадигму для нормализации социальной жизни, принять новую «культуру» и выйти из состояния «революционного невроза». Успешные завершители революций, такие как Октавиан Август в Древнем Риме (по версии известного историка античности Р. Сайма [12]), могут трактоваться как успешные «политические психотерапевты». Для них важно не только построить новое государство, но и убедить население принять новую «культуру» для создания новых фреймов повседневной жизни на базе новой идеологической парадигмы (например, сочетание личной власти Августа и республиканских институтов в Древнем Риме).

Выводы

В современной России переход от СССР к Российской Федерации необходимо понимать, как революцию, т.е. как нарушение диалога государства и общества. В российском обществе крах СССР породил классический «революционный невроз», который создает неопределенность в диалоге государства и общества (либерализм или патернализм). Хотя есть некоторые успехи в нормализации диалога государства и общества на базе прагматизма в эпоху высоких темпов экономического роста, сложно говорить о создании новой идеологической парадигмы, сопоставимой с либерализмом или социализмом. Сомнительность прагматизма как новой идеологической парадигмы (и в целом как возможной основы для идеологии, поскольку прагматизм скорее является индивидуальной формой адаптации к существующим социальным условиям) особенно стала понятна в современной ситуации практически нулевого экономического роста.

Как показали дебаты вокруг поправок в Конституцию РФ, пока не получается процесс создания новой идеологической парадигмы. Наоборот, сами специфические особенности патримониального правления создают такую социально-политическую ситуацию, которую в исследованиях социальных движений описывают как «пространство возможностей» для новых революционных социальных движений. Можно наблюдать постоянный кризис доверия между государством и обществом (дефицит коммуникативной рациональности государства), и это является ключевым фактором политизации социально значимых проблем в СМИ и в общественном мнении.

Литература

1. *Голдстоун Д.* Революции: очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. – Москва: Изд-во института Гайдара, 2015. – 192 с.
2. *Зиновьев А.О.* Идеи и лидерство в революционных процессах //Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. – №3. – С. 154-159.

3. *Kabanec O., Nass L. Революционный невроз. / пер. с фр. под ред. Д.Ф. Коморского. – Москва: Академический проект, 2018. – 367 с.*
4. *Малия М. Локомотивы истории: революции и становление современного мира. / пер. с англ. Е.С. Володиной. – Москва: РОССПЭН, 2015. – 405 с.*
5. *Goodwin J. No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945-1991. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 422 p.*
6. *Goodwin J. Revolutions and Revolutionary Movements //The Handbook of Political Sociology / Janoski T., Alford R., Hicks A., Schwartz M.A. (eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. - P. 404-422.*
7. *Habermas J. On the Logic of the Social Sciences. – Cambridge (Mass.): MIT Press, 1988. 222 p.*
8. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. - Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. Band I. 545 p.*
9. *Habermas J. Between Facts and Norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. - Cambridge (Mass.): MIT Press, 1996. 674 p.*
10. *Klandermans B., Roggeband C. (eds.). The Handbook of Social Movements across Disciplines. - New York: Springer, 2007. 329 p.*
11. *Skocpol T. States and Social Revolutions. – Cambridge: Cambridge university press, 1979. 424 p.*
12. *Syme R. The Roman Revolution. – Oxford: The Clarendon press, 1939. 591 p.*

References

1. Goldstone J. *Revoljutsii. Ochen' kratkoye vvedeniye* [Revolutions. A Very Short Introduction]. 2015, Moscow, Gaydar Institute Publ., 192 p. (In Russian).
2. Zinoviev A.O. *Idei i liderstvo v revolutionnih prosessah. [Ideas and leadership in the revolutionary process]. Zhurnal politicheskikh issledovaniy [Journal of Political Research]. 2019, V.3, I. 3, pp.154-159. (In Russian).*
3. *Kabanec O., Nass L. Revolutioniy nevros [Revolution's neurosis]. Moscow, Akademicheskiiy proekt Publ., 2018, 367 p. (In Russian).*
4. *Malia M. Locomotivi istorii: revoljutsii i stanovlenie sovremennogo mira [History's Locomotives: Revolutions and the Making of Modern World]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2015, 405 p. (In Russian).*
5. *Goodwin J. No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945-1991, Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2001, 422 p.*
6. *Goodwin J. Revolutions and Revolutionary Movements, The Handbook of Political Sociology / Janoski T., Alford R., Hicks A., Schwartz M.A. (eds.), Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2005, pp. 404-422.*
7. *Habermas J. On the Logic of the Social Sciences, Cambridge (Mass.), MIT Press Publ., 1988, 222 p.*
8. *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Frankfurt am Main, Suhrkamp, Band I. 1995, 545 p.*
9. *Habermas J. Between Facts and Norms: contributions to a discourse theory of law and democracy, Cambridge (Mass.), MIT Press Publ., 1996, 674 p.*
10. *Klandermans B., Roggeband C. (eds.). The Handbook of Social Movements across Disciplines. New York, Springer Publ., 2007. 329 p.*
11. *Skocpol T. States and Social Revolutions, Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1979, 424 p.*
12. *Syme R. The Roman Revolution, Oxford: The Clarendon press Publ., 1939. 591 p.*